

За арканизацию экранов?

Аркадий Арканов, или, как любовно зовут его друзья, Аркан, известен как писатель-сатирик, герой голубого экрана и человек, который совершенно невозмутимым голосом говорит на редкость смешные вещи. Но данные качества не слишком ценятся в Центральном Доме литераторов, где каждый встречный — и великий писатель, и видный оратор. В этом заведении Арканов больше славится как маститый шахматист, капитан писательской команды и неоднократный чемпион ЦДЛ.

— Аркадий Михайлович, кто из выдающихся гроссмейстеров наложил самый яркий отпечаток на ваш стиль?

— Безусловно, Пауль Петрович Керес. Когда я впервые увидел его в конце 40-х, он поразил меня своей безупречной внешностью и такой же интеллигентностью — просто эталон мужчины. И что особенно впечатляло — эффектная прическа гроссмейстера, его аккуратный пробор с левой стороны был идеален. И вот, можете упрекнуть меня в шахматном плагиате, в 13 лет я завел себе точно такой же пробор, как у Кереса, и до сих пор не меняю прически. Правда, теперь она не столь пышная.

— А кто еще из гроссмейстеров сыграл важную роль в вашей шахматной биографии?

— Марк Евгеньевич Тайманов. Когда я впервые услышал о нем, то подумал, что это однофамилец известного пианиста — о фортепьянном дуэте Брук — Тайманов я узнал гораздо раньше. Пример Тайманова вдохновил меня. Я понял, что человек может с успехом сочетать самые разные увлечения. И я тоже решил попробовать себя одновременно и в шахматах, и в музыке, и даже в легкой атлетике. Увы, очень скоро выяснилось, что я далеко не Тайманов, и из меня не вышел ни пианист, ни шахматист, ни спринтер. Во всем, за что бы я ни брался, дальше первого разряда дело не пошло.

— Не так уж худо. Тем более приятно чувствовать себя перворазрядным писателем.

— Если из меня что-то и получилось (я имею в виду литературу), то, наверное, только потому, что я добровольно отказался от борьбы за шахматную корону.

— Правда ли, что вы участвовали в супертурнире, состоявшемся несколько лет назад в Москве?

— Можно считать и так. Ведь я побывал и на банкете, посвященном его открытию, и на банкете, посвященном его закрытию... Разумеется, не пропустил и ни одной партии. А если поспевал на тур вовремя, то оказывался в первом ряду по соседству с Карповым, Камским или Анандом, причем чувствовал себя в этой компании вполне уверенно.

— Кажется, именно вы еще до начала турнира сообщили Гельфанду, что именно он завоюет первый приз.

— Так и было. Голос свыше подсказал мне имя будущего победителя этого гроссмейстерского форума, и уже на первом из упомянутых банкетов я поздравил Бориса с предстоящим успехом. По существу я был соучастником его победы, и приз следовало бы разделить между нами поровну.

— Каково ваше высшее шахматное достижение последнего времени?

— Пожалуй, то, что я наконец восстановил свои отношения с Анатолием Карповым, несколько подпорченные во время его первых поединков с Гарри Каспаровым. Тогда я не скрывал своих симпатий к юному претенденту. Полагаю, в этом не было большого преступления, но политическая окраска того периода шахмат привела к тому, что меня зачислили во враги Карпова, в коих я и пребывал по инерции несколько лет. Во время международного турнира, о котором у нас только что шла речь, я не раз беседовал с Анатолием Евгеньевичем, особенно на заключительном банкете. Как мне показалось, натянутость наших отношений смущала и его. Теперь мы оба сбросили этот неприятный груз, и, надеюсь, на предстоящих банкетах нам еще не раз доведется сесть за один шахматный столик. Между прочим, за карточной игрой белот в последнее время мы встречаемся постоянно.

— А были ли у вас какие-нибудь шахматные разочарования?

— Если с Карповым отношения наладились, то мои давние и довольно близкие отношения с Каспаровым, наоборот, разладились. И честно говоря, я не совсем понимаю, что произошло,

во всяком случае мне не в чем себя винить. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что Гарри Каспаров мчится вперед на слишком высокой скорости и, боюсь, на этом пути в его человеческих связях ждет больше потерь, чем приобретений.

Подобная история, кстати, когда-то произошла у меня и с Валерием Лобановским. Мы очень дружили, тесно общались, пока он только выходил на международную орбиту как футбольный тренер. Но вот Лобановский взлетел на государственный уровень, и вскоре я выпал из его поля зрения, не стал ему необходим. Прошло много лет, в его жизни настали трудные времена, и тогда он мне позвонил. Мы провели замечательный вечер, а затем он снова пропал.

— Каковы ваши ближайшие шахматные планы?

— Совсем недавно Салли, первая жена Ми-

хаила Таля, которая была рядом с ним, когда он стал чемпионом мира, попросила меня помочь ей написать книгу воспоминаний о восьмом шахматном короле. В память о нашей старой дружбе с Мишей я не мог отказать ей. Так что теперь впервые в жизни пробую себя в жанре литзаписки, причем приходится играть роль женщины...

— Кажется, это единственная

роль, в которой вы еще не выступали...

— Это очень увлекательная перспектива, скажу я вам, взглянуть на мир глазами женщины.

— Я думаю. Еще Жванецкий говорил: "Интересно, что они чувствуют?"

— У меня уже есть ряд соображений по композиции книги. Рассказ Салли я собираюсь дополнить некоторыми другими материалами. Так что, надеюсь, книга получится интересной не только для шахматистов.

— Скажите, какое самое удачное произведение сыграли вы в последнее время?

— В Америке мне удалось издать краткий курс истории КПСС.

— Но ведь был уже сталинский курс?

— А теперь будет аркановский. Всякое время требует своего курса.

— Аркадий Михайлович, для энциклопедии нашей беседы я припас один, можно сказать, ехидный вопрос. Встретившись недавно с вашим шахматным и литературным коллегой Леонидом Зориным, я в конце разговора спросил его: "Что дороже всего?" "Время, — афористично ответил писатель. — Нет ничего дороже. Не теряйте ни единой минуты!" А вам, похоже, ближе другой афоризм: "Не жалейте ни единой минуты!" Ведь вы неизменный участник всех презентаций, фуршетов, телевизионных и эстрадных шоу. Недаром Борис Брайнин, поэт и ваш партнер по ЦДЛовским чемпионатам, как-то заметил по этому поводу:

Долой арканизацию романов, Даешь арканизацию экранов! Разумно ли маститому писателю так прожигать свою жизнь? За отечественную литературу обидно!

— Не знаю даже, как мне отразить вашу атаку. Признаюсь, я всегда завидовал писателям, которые живут по принципу "ни дня без строчки". Да, они вызывают у меня и зависть, и глубокое уважение. Но я и в прежние годы не мог сосредоточиться на чем-нибудь одном, разбрасывался направо и налево. Что поделаешь, такая увлекающаяся натура... Хотя, честно говоря, подобный образ жизни не слишком вредил моей литературной работе.

И вот возникает вопрос: стоит ли сейчас, когда, чего скрывать, лучшая пора жизни позади, изменять себе, превращаясь в кабинетного червя, замыкаясь на "мемуарах"?

— Ну что ж, желаю вам новых побед за шахматно-литературной доской и новых удачных банкетов.

